

Л. М. Леонидов
народный артист Союза ССР

Мои первые спектакли

Театральный век прожить — не по-
ле перейти. Может быть, когда-нибудь
я займусь летописью своей актерской
жизни с обстоятельностью, необходи-
мой мемуаристу. Пока же еще не тя-
нет писать мемуары. Больше думаешь
о текущих художественных интересах
театра, чем о прошлом. Новые спек-
такли, новые пьесы, новые роли —
все это настолько захватывает, что
для воспоминаний не остается време-
ни.

Сейчас, оглядываясь на свой 40-
летний актерский путь, я хочу вспо-
мнить только несколько эпизодов, свя-
занных с началом моей работы в те-
атре.

*

40 лет тому назад, 6 сентября
1896 г. я впервые выступил на сцене
как заправский актер в Одесском го-
родском театре. Здесь тогда гастроли-
ровала труппа Киевского драмати-
ческого театра Соловцова, каждую
осень и весну приезжавшая в Оде-
су. Шел «Царь Борис», третья часть
трилогии Алексея Толстого.

Мне дали роль турецкого посла Че-
либея. И роль-то совсем небольшая.
Музыка. Свита посла выносит подар-
ки, предназначенные царю Борису:
седла, сбрую, трон из слоновой ко-
сти, усыпанный бирюзой, роскошное
оружие. Приветствие посла, реплики
царя. Поклон. Уход. Опять музыка.
Волновался я ужасно, хотя уже много
раз участвовал в любительских спек-
таклях в одесской народной аудито-
рии Общества трезвости. Я уже сы-
грал такие роли, как роль Жадова в
«Доходном месте», Чацкого в «Горе от
ума», Челюва в «Горькой судьbine»,
Жоржа Градишова в «Злобе дня»,
Потекина и много других. Для всту-
пления в спектакль «Царь Борис»
мне дали три репетиции. Тогда счи-
талось, что этого вполне достаточно,
особенно для пьесы, которая была
давно в репертуаре. Репетиции про-
ходили на сцене. В зрительном зале
темно, ложи завешены парусиной. Во
время репетиций я не замечал зри-
тельного зала.

Наступает долгожданный вечер 6
сентября. Конечно, весь день я не
нахожу себе места. Волнуюсь. В то
же время страшно горжусь. Горжусь
и тем, что зачислен в труппу на 75
рублей в месяц, и тем, что буду иг-
рать на одной сцене с такими арти-
стами, как Глебова, Рошин-Инсаров,
Кисилевский, Чужбинин, Неделкин,
игрой которых я всегда восхищался.
«Приятно и страшно вместе», как
говорит пушкинский скупой рыцарь.
Начинается спектакль. Все идет
гладко. Послы выходят один за дру-
гим. Наступает и моя очередь. Музы-
ка, доклад Семена Годунова: «Посол
турецкий Челибей». Свита, подарки
и, наконец, помощник режиссера шеп-
чет: «Выходите!» Душа уходит в
пятки. Делаю над собой усилие, вы-
хожу, и вдруг, о ужас, чувствую, что
из зрительного зала на меня падают
ложи. Да, полное впечатление, что
и ложи и сидящие в них люди пада-

ют на меня. Я окончательно смуща-
юсь, ничего не понимаю. Начинаю
свой монолог: «Султан Махмед, Мах-
мид, Мухмуд, твой друг и брат, твой
брат и друг!» Товарищи мне подска-
зывают, но я ничего не слышу, ничего
не вижу, с позором ухожу со сцены.
Вегу в свою актерскую уборную, го-
рохливо снимаю грим, и, не глядя ни
на кого, от стыда, ухожу из театра
с мыслью, что драматическое иску-
ство для меня навсегда потеряно.

Что же произошло? Пол сцены,
как и пол зрительного зала в театре,
построены наклонно друг к другу.
Поэтому получается полное впечатле-
ние, будто ложи в зрительном зале
падают на тебя. На следующий день
в местной газете появляется заметка
— рецензия о спектакле: «Царь Бо-
рис» прошел с обычным ансамблем,
но одна паршивая овца — Леонидов —
испортила все стало.

Н. Н. Соловцов, мой первый антре-
пренер, вызывает меня к себе, успо-
каивает, говорит: «Это хорошо, что
первый блин комом». И тут же пору-
чает мне роль Чаруского в пьесе
Юкина-Сумбатова «Старый закал»,
премьера которой должна состояться
через несколько дней. Насколько был
позорен мой первый выход, настоль-
ко блестяще мое второе появление на
сцене. Успех был огромный. Я даже
был вызван среди акта всем зритель-
ным залом (тогда такие вызовы были
в обычае). Говорили, что свою роль
офицера, сосланного в захолустную
крепость на Кавказе «за вольнодум-
ство», я провел очень сильно по
чувству и убедительно по мысли.

Так начался мой творческий путь
на сцене, который привел меня к ра-
достному дню моего актерского 40-
летия.

*

В 1901 г. я поступил в московский
театр Корша. Здесь мне особенно за-
помнились две роли: Константина в
«Детях Ванюшина» и учителя Фле-
минга в имевшей тогда успех пьесе
немецкого драматурга Эрнста «Воспи-
татель Фляксман», или «Педагог».

Тогда коршевские премьеры посе-

щались всей театральной Москвой, в
том числе актерами и руководителя-
ми Художественного театра.

Вскоре после премьеры ко мне по-
зволили по телефону:

— С вами говорит секретарь Неме-
ровича-Данченко, директора Москов-
ского Художественного театра. Свободны ли вы на будущий сезон?

Я считал себя свободным. Но через
несколько дней меня поймал в ак-
терском фойе Федор Адамович Корш,
обнял и на своих привычных визгли-
вых нотах быстро заговорил:

— Очень хорошо, голуба, велико-
лепно, голуба, сыграли роль, на бу-
дущий год решил прибавить вам.
Итак, по рукам, по рукам, голуба?

Не успел я опомниться, как Федор
Адамович уже «ударил по рукам» и
своей торопливой походкой скрылся
за поворотом фойе. Из Художествен-
ного театра ко мне все это время не
звонили, и я считал себя вправе пе-
резаключить договор с Коршем.

Но на следующий же день ко мне
снова позвонил секретарь Немеровича-
Данченко:

— Владимир Иванович просит вас
пожаловать к нему на обед.

Я был в очень затруднительном по-
ложении. Отказаться от приглаше-
ния «на обед» было неудобно, в то
же время я великолепно понимал,
зачем меня приглашают. В течение
всего обеда, сидя между Владимиром
Ивановичем и Екатериной Николаев-
ной, я чувствовал себя точно на
иголках. А после обеда случилось то,
чего я боялся. Владимир Иванович
предложил мне пойти в его кабинет
покурить.

— А теперь, давайте поговорим о
деле, — обратился он ко мне. Когда я
ответил, что уже законтрактрован Кор-
шем, В. И. на меня взглянул с ис-
ключенным недоумением. Мне стало
вдвойне неловко.

— Очень жаль, очень жаль, но ни-
чего, на будущий год мы это устро-
им.

На будущий год я известил Неме-
ровича-Данченко письмом, что заклю-
ченный с Коршем контракт истек,
и немедленно получил приглашение
вступить в состав труппы Московско-
го Художественного театра.

Это было еще в те времена, когда
и Константин Сергеевич Станислав-

ский, и Владимир Иванович Неме-
рович-Данченко еще сидели за одним
режиссерским столом, работая над го-
товавшимися постановками. Встретили
меня в МХАТ очень благожелательно,
и все же понадобилось немало вре-
мени, чтобы органически войти в со-
став труппы этого театра. На репе-
тициях спектакля «На дне», в кото-
рой я был введен на роль Васильи
Пепла (заменив Харламова) перед по-
ездкой театра в Петербург, Констан-
тин Сергеевич часто одергивал меня:

— Это вам не Корш...
Лишь после того, как я сыграл в
сентябре 1904 года роль Лопухина
в «Вишневом саду», Станиславский
пошел ко мне и со своей очарова-
тельной улыбкой сказал:

— Вы наш.

Припоминаю несколько случайных
встреч во время работы над «Виш-
невым садом» с Антоном Павловичем
Чеховым. Однажды во время репети-
ции я очень бурно провел роль Ло-
пухина в финале третьего акта. Когда
я сидел на приступочке за кулисами,
ко мне подошел Антон Павлович и о
мягким упреком сказал:

— Зачем кричите? Послушайте,
ведь богатые не кричат.

Во время генеральной Антон Пав-
лович зашел ко мне в уборную, по-
адоровался и со своей застенчивой
улыбкой на лице заговорил:

— Послушайте, вы стали теперь
играть очень хорошо, да и весь со-
став спектакля мне очень нравится.

Внезапно его лицо стало грустным:

— Скажите, а что будет в этой
уборной через 30 лет? Может быть,
и уборной-то этой уже не будет?

Недавно, у нас в театре во время
очередного ремонта в целях удобства
эта уборная была целиком вырубле-
на.

*

Когда я думаю о том отношении к
актеру и к театру, которое проявля-
ет наша партия и правительство, мое
актерское сердце преисполняется глу-
бочайшим волнением и благодарно-
стью. Я от всей души благодарю пар-
тию и правительство, а в особенно-
сти великого вождя мирового про-
летариата, лучшего друга советского
актера, товарища Сталина, уделяю-
щего так много внимания нашему
советскому театру.